

Неизвестные страницы пребывания В.И. Ленина в Пскове

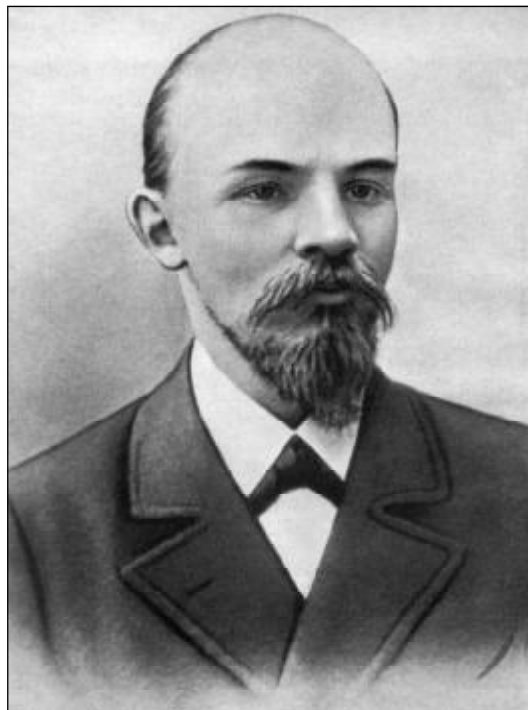
Несмотря на то, что в советское время о жизни В.И. Ленина, в частности о ее псковском периоде¹, было написано немало работ, целый ряд фактов его биографии остается еще неизученным. Некоторые из них относятся к тому времени, когда будущий вождь революции весной 1900 г. жил в Пскове.

Одной из таких загадок является тайна ленинского псевдонима. Известно, что настоящая фамилия Владимира Ильича - Ульянов. Но в историю он вошел как Ленин. Откуда же он взял эту фамилию?

С подобным вопросом, уже после смерти Ильича, неоднократно обращались к его жене Н.К. Крупской. Полагали, что она была взята в память Ленского расстрела рабочих 1912 г. Но этим псевдонимом Ильич подписывался задолго до тех событий. Считали, что фамилию он взял в память сибирской ссылки, от реки Лены. Однако Ленин отбывал ее в Шушенском, на берегах Енисея. Даже сама Надежда Константиновна не знала всей правды и полагала, что ее муж взял этот псевдоним как бы в пику Плеханову, который часто подписывался Волгиным (от русской реки Волги).

С этим предположением Крупской можно было бы согласиться, если бы не одно «но». Гораздо менее известно, что до революции Владимир Ильич подписывал свои статьи не просто псевдонимом «Ленин», а как «Н. Ленин». Обычно его расшифровывали как «Николай Ленин». Так, сразу после Октябрьской революции за рубежом вышло несколько книг и статей о руководителе Советского государства, в которых его называли Николаем Лениным. И только после октября 1917 г. Ильич несколько видоизменил этот псевдоним, подписываясь в официальных бумагах как «В.И. Ульянов (Ленин)».

Аверьянов Константин Александрович - доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института Российской истории РАН (г. Москва)



В.И. Ульянов (Ленин). 1900 г.

История приобретения этой фамилии покрыта тайной. Сам Ильич никогда по этому поводу не распространялся. Молчали и другие его родственники, а сама Надежда Константиновна просто не знала всех обстоятельств дела.

Достоверно известно было лишь то, что эта история относится к 1900 г. Посмотрим, что же делали Ульяновы в этом году?

29 января 1900 г. (здесь и далее все даты - по старому стилю) закончилась сибирская ссылка Ильича. Рано утром Ульяновы, нигде не останавливаясь, выехали из Шушенского в центральную Россию. 6 февраля они приезжают в Уфу². Здесь Н.К. Крупская должна была отбывать оставшийся срок своей ссылки, который заканчивался только в марте 1901 г.³ Через два дня супруги расста-

лись, а 16 февраля Ильич появляется в Подольске у матери, которая жила здесь у своего младшего сына Дмитрия, находившегося под надзором полиции, в тот же день перебирается в Москву, где останавливается у сестры Анны Ильиничны, куда примчалась и другая сестра Ильича - Мария Ильинична.⁴

Дальнейшая жизнь представлялась будущему вождю революции не в самом радужном свете. На юридической карьере брату народовольца Александра Ульянова, покушавшегося на жизнь государя Александра III, можно было поставить жирный крест. Примерно за полтора месяца до освобождения В.И. Ульянова из сибирской ссылки особое совещание Департамента полиции 16 декабря 1899 г. подняло вопрос о дальнейшей его судьбе. После формального освобождения 29 января 1900 г. от гласного надзора полиции было предложено на общем основании бессрочно запретить ему жительство в столицах и Петербургской губернии, а также в местностях фабричного района, университетских городах и в городах Иркутске и Красноярске с их уездами сроком на три года⁵. Юридически это было оформлено постановлением Департамента полиции от 5 января 1900 г.

Как помощник присяжного поверенного, Ильич прекрасно знал законы и отлично представлял себе свою дальнейшую судьбу. Выходом представлялась только эмиграция. Еще в сибирской ссылке он остановил свой выбор на Германии, известной ему по первой заграничной поездке в 1895 г. Вариантов выехать за рубеж было всего два: легальный и нелегальный. Но первый оставался в области несбыточных фантазий.

Чтобы покинуть российские пределы, требовался заграничный паспорт. По тогдашнему законодательству они выдавались губернаторами и градоначальниками. Лица, просившие об их выдаче, должны были представить удостоверение полиции об отсутствии законных препятствий к их отъезду за границу. При этом в выдаче удостоверения полиция могла отказать в тех случаях, когда к данному лицу предъявлялись законные требования со стороны частных лиц или правительственных чиновников и учреждений.⁶

Надеясь на то, что царизм выпустит в Европу человека, находившегося под негласным надзором полиции, которому требовалось специальное разрешение Департамента полиции даже на кратковременные передвижения внутри страны, было бы просто глупо.

Оставался второй вариант. Для его осуществления необходимо было решить несколько задач, первой из которых была необходимость подыскать достаточно близкий к границе город во внутренних губерниях (о пограничных или портовых городах не могло быть и речи), где предстояло отбывать негласный надзор, а также найти товарища для перехода границы. Летом 1899 г. он списывается с А.Н. Потресовым, также отбывавшим ссылку в Европейской России, и они договариваются после ее окончания выбрать для дальнейшего жительства Псков. 27 июня 1899 г. он пишет Александру Николаевичу: «...мой срок кончается 29.1.1900... Мечтаю о Пскове...»⁷

Впрочем, была еще одна возможность - попытаться договориться с кем-либо из знакомых, чтобы и тот дал свой паспорт, и с ним попытаться оформить документ для заграничного путешествия.

Очевидно, именно эти идеи Ильич изложил своим родным на семейном совете в феврале 1900 г. Стали перебирать друзей, которые могли бы помочь. И тут Мария Ильинична, видимо, вспомнила о своем знакомом Сергее Николаевиче Ленине. Знакомство с ним произошло, очевидно, несколько месяцев назад в Нижнем Новгороде, куда сестра Владимира Ильича была выслана осенью 1899 г. и откуда вернулась в конце декабря того же года в Москву⁸.

Владимир Ильич, хотя и не был лично знаком с Лениным, был наслышан о нем. Сергей Николаевич в ту пору был известен как агроном, деятель Вольного экономического общества, в 90-х годах прошлого века сотрудничал в журнале «Хозяин», ряде других изданий. Более того, в своей работе «Развитие капитализма в России», писавшейся в Шушенском, Ильич ссылался на две статьи С.Н. Ленина о сельскохозяйственном машиностроении. Сергей Николаевич был старше Ильича всего на 10 лет и при отсутствии

в тогдашних заграничных паспортах фотографий это могло стать решающим доводом того, что паспорт следовало просить у С.Н. Ленина⁹.

19 февраля 1900 г. Ульянов официально выезжает к месту избранного им жительства, однако при этом отправляется в Псков с огромным заездом в сторону - в Нижний Новгород. Здесь он пробыл в общей сложности четыре дня - с 20 по 24 февраля. Остановившись в доме у местного социал-демократа А.И. Пискунова (примечательно, что именно у него жила несколькими месяцами раньше Мария Ильинична), он ищет контакты с Сергеем Николаевичем Лениным.¹⁰ Но того в Нижнем не оказалось. Судя по данным справочника «Весь Петербург» на 1900 г., в это время коллежский советник Ленин проживал в столице империи, где служил инспектором сельского хозяйства и членом Кустарного комитета Министерства земледелия и государственных имуществ.¹¹ Да и вряд ли бы он согласился передать свой паспорт чужому человеку. Согласно Уложению о наказаниях, передача своего паспорта или вида на жительство другому лицу для проживания или переезда наказывалась тюремным заключением от 2 до 4 месяцев или же арестом от 3 недель до 3 месяцев.¹² Все же Ильичу удалось встретиться в Нижнем Новгороде с Лениными. Документально известно, что здесь проживала Вера Васильевна Ленина, преподававшая в классах пения, итальянского языка и декламации местного отделения Императорского Русского музыкального общества.¹³

Как Ильичу удалось ее «уговорить» - останется навсегда тайной, но все же в Нижнем Новгороде ему удалось достать паспорт, правда, не Сергея, а его отца - Николая Егоровича Ленина.

Ильич уезжал из Нижнего окрыленный. Не казалось бедой и то, что настоящий хозяин заветного документа был старше Ульянова аж на 43 года. В среде социал-демократов было много специалистов, которые производили подчистки в документах. Верхом мастерства среди них считалось смывание паспортов (их именовали между собой «носowymi платками») человеческим потом,

а затем прессование бумаги, чтобы не было видно следов подделки, тяжелым плоским грузом (для этого обычно использовались поставленные вверх дном тяжелые столы).¹⁴

Впервые мысль о том, что Владимир Ильич мог использовать в качестве псевдонима «Н. Ленин» фамилию кого-то из своих знакомых, осторожно была высказана в отечественной литературе еще в 1965 г. И.М. Вольпером в книге «Псевдонимы Ленина». Он же указал, что ее он мог позаимствовать у С.Н. Ленина. Исходным толчком для подобного утверждения послужил факт цитирования Ильичем статей Сергея Николаевича.

Однако полностью развить эту идею удалось только спустя два с лишним десятилетия петербургскому исследователю М.Г. Штейну. Действительно, среди русских дворянских родов известна фамилия Лениных. Обратившись к «делу о дворянстве рода Лениных», сохранившемуся в фонде департамента герольдии¹⁵, а также с помощью потомков этого рода, проживавших в северной столице, он смог установить, что в руках Ильича оказался паспорт на имя отца Сергея Николаевича - Николая Егоровича Ленина.

Он же собрал и основные сведения о том человеке, чья фамилия в дальнейшем легла в основу знаменитого псевдонима будущего вождя пролетарской революции.

Николай Егорович Ленин принадлежал к старинному дворянскому роду, чья родословная прослеживается с начала XVII в. и родоначальником которого, судя по официальным бумагам, считался некий Иван Посник Ленин, живший на рубеже XVI - XVII вв. Николай Егорович был его потомком в девятом колене и родился в сельце Высоком Ярославской губернии 3 февраля 1827 г. Крестным отцом стал его дальний родич помещик Пошехонского уезда Ярославской губернии лейтенант флота Василий Михайлович Ленин. Свою службу Николай Егорович начал в Вологде, затем служил в Люблинской губернии Царства Польского. Дослужившись до чина статского советника, он вышел в отставку в июне 1894 г. с должности участкового мирового судьи в Могилевской губернии, после чего поселился в Ярослав-

кой губернии. Что касается его материального положения, то он был весьма обеспеченным человеком. По данным 1879 г., он имел 750 десятин земли в Вологодской губернии, 780 десятин - в Ярославском уезде и 115 десятин - в Рыбинском уезде Ярославской губернии и 28 десятин в Кирилловском уезде Новгородской губернии. Скончался он 6 апреля 1902 г.¹⁶

Каким же образом в руках у Ильича оказался паспорт этого человека? По семейному преданию, записанному М.Г. Штейном у правнуков Николая Егоровича на рубеже 1980-90-х годов, к дочери Н.Е. Ленина Ольге обратилась Н.К. Крупская, когда возникло подозрение, что власти откажут в выдаче паспорта Ильичу для поездки за границу. Надежда Константиновна знала Ольгу как выпускницу Бестужевских курсов (их она окончила в 1883 г.). Та попросила помочь Ильичу своего брата Сергея Николаевича и тот, будучи в Пскове по служебным делам приемки изготовленных в Германии плугов и других сельскохозяйственных машин, в одной из псковских гостиниц передал Ульянову паспорт своего отца с переделанной датой. Впрочем, по другой семейной версии, этому содействовал А.Д. Цюрупа, живший в Уфе¹⁷.

Следует отметить, что относиться к этим версиям следует крайне осторожно, прежде всего хотя бы потому, что они были записаны исследователем, пытавшимся через много лет отыскать возможные связи между Николаем Егоровичем Лениным и Владимиром Ильичем Ульяновым. Свою роль могли сыграть невольные «подсказки» историка информантам, а также очевидное влияние изданной к тому времени литературы о жизни Владимира Ильича - несомненно, что носители знаменитой фамилии не раз и не два пытались объяснить сходство с псевдонимом вождя.

Более вероятной представляется гипотеза о том, что паспорт на имя Николая Егоровича Ильич сумел получить именно в Нижнем Новгороде: за это говорит то, что по пути в Псков он должен был сделать (на свой страх и риск - без разрешения полицейских властей!) огромный крюк с заездом из Москвы в Нижний Новгород. К тому же следует учи-

тывать, что упомянутая нами Вера Васильевна, проживавшая в Нижнем Новгороде, являлась не кем иным, как дочерью крестного отца Николая Егоровича Ленина, и у нее вполне мог оказаться паспорт последнего.

Работы М.Г. Штейна по генеалогии «настоящих» Лениных вызвали несколько статей, в основном по истории поздних представителей этого рода¹⁸. К сожалению, из-за того, что их авторы не являлись профессиональными генеалогами, следует указать на некоторые незначительные ошибки, вкрапившиеся в эти работы.

Прежде всего следует отметить, что фамилия Лениных гораздо старше XVII в. - в составленной около 1482 г. духовной грамоте видного боярина Ивана Михайловича Плещеева встречается имя первого известного нам представителя этого рода - Тишины Ленина¹⁹. Упоминание это не случайно - Плещееву в Подмосковье принадлежало село Нахабино, а по соседству с ним (близ современного города Истры) до сих пор находится деревня Ленино, являвшаяся родовой вотчиной Лениных.

Последовательная родословная этой фамилии прослеживается, как правильно указывает М.Г. Штейн, с жившего в начале XVII в. Ивана Петровича Ленина, по прозвищу Посник. Однако исследователь ошибочно отождествил его с енисейским казаком Посником Ивановым, по прозвищу Губарь²⁰. В действительности Иван Петрович Ленин, самое раннее известное нам упоминание о котором относится к 1609 г.²¹, не имел с ним ничего общего. Сведения о Лениных XVII в. встречаются в ряде источников²². Позднее род Лениных был записан по Вологодской, Новгородской и Нижегородской губерниям²³.

Сделав эти уточнения по генеалогии Лениных, обратимся к тому, чем занимался Владимир Ильич в Пскове. Сюда он прибыл 26 февраля 1900 г. и первоначально, пока не подобрал квартиры, остановился у В.А. Оболенского, университетского товарища А.Н. Потресова, работавшего в статистическом отделе Псковской губернской земской управы. Через день он явился в местное полицейское управление, где получил вид на

жительство, которого ранее был лишен как ссыльный, и официально (под расписку) был ознакомлен с постановлением Особого совещания МВД, в котором перечислялись города и губернии, запрещенные ему для жительства на период негласного надзора, т.е. до 29 января 1903 г.²⁴.

Сразу же по прибытии в Псков Ильич начинает думать о том, как ему выбраться в Германию. Правда, вызывало сомнение в знании разговорного немецкого языка, к тому же подзабытого за годы ссылки²⁵, и 6 марта в Псковском городском листке появляется объявление: «Желают брать уроки немецкого языка (теория и практика) у образованного немца. Предложение письменно: Архангельская, дом Чернова, квартира Лурьи (для В.У.)»²⁶

Ценные подробности о жизни Ильича в Пскове содержатся в его письмах этого периода матери. При этом исследователями было сравнительно давно подмечено, что письма Ильича из Пскова представляют собой образец переписки революционера-конспиратора. В них он умело пользовался эзоповым языком²⁷.

15 марта Ильич пишет Марии Александровне Ульяновой в Подольск. Содержание письма довольно обыденно, но привлекает внимание приписка к нему, после подписи, вместо постскриптума: «Здесь хвалят одного доктора, и я хочу с ним посоветоваться о своем катаре. В Питере с приближением весны ходят, говорят, разные эпидемические болезни».²⁸ Под разными болезнями он имел в виду происходившие в то время аресты революционеров. Но что же Ильич подразумевал под «катаром»?

Это станет понятным, если мы посмотрим, чем он занимался сразу после отправки этого письма. Чтобы попасть в Германию, Ильичу прежде всего было необходимо добраться до ближайшего к Пскову порта или пограничной полосы. Но человеку, находившемуся под негласным надзором полиции, сделать это было практически невозможно: даже кратковременная отлучка из города была бы сразу же замечена.

Тем не менее это формальное препятствие было довольно быстро преодолено.

Благодаря В.А. Оболенскому Ильич официально начинает сотрудничать с Псковским статистическим отделом в осуществлении программы широкого оценочно-статистического обследования развития крестьянских хозяйств, промыслов и кустарной промышленности Псковской губернии. То, что псковские статистики привлекли к этому делу именно В.И. Ульянова, выглядело вполне убедительно: к этому времени он был уже автором известной книги «Развитие капитализма в России», вышедшей годом ранее. Уже в конце марта по заданию Псковского статистического отдела он выезжает в командировку в Изборск для разработки программы статистического обследования крестьянских хозяйств.

Для человека, только что перенесшего довольно тяжелую болезнь, это выглядело довольно неестественно. Но странности на этом не закончились - в Изборске Ильич не задержался и 2 апреля оказался в Риге у М.А. Сильвина.³⁰ Михаил Александрович был другом Ильича еще по делу петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», был арестован вместе с ним и отбывал ссылку в Сибири неподалеку от Шушенского. Ильич в ссылке называл его «наш ближайший сосед».³¹ Осенью 1899 г. его забрали в армию, и он стал служить в 115-м Вяземском полку, расквартированном в Риге. Но солдатчина показалась ему хуже каторги, и он, вероятно, также подумывал о побеге из России. Поэтому идеи Владимира Ильича о совместной эмиграции должны были найти отклик в его душе.

Позднее он вспоминал: «Полагая, что Владимира Ильича должны особенно интересовать быстрые нелегальные сношения с границей, я написал ему, предлагая приехать в Ригу и обещая некоторые новости»³³. Прибыв в Ригу, Ильич остановился на квартире М.А.Сильвина. Затем он, М.А.Сильвин, и жена последнего О.А.Сильвина направились на конспиративную квартиру Ковалевских, где состоялась встреча Владимира Ильича с местными социал-демократами Я.Озолем и К.Зутисом. Сильвины при разговоре Ильича с латышами не присутствовали. Отрекомендовав приезжего как свое-



**Весна в Пскове. 1900 г.
С картины худ. Г. Алексеева-Гая.**

го товарища, они вышли в другую комнату, чтобы не мешать разговору. Своих имен собеседники друг другу не назвали. Беседа продолжалась около полутора часов, после чего Ильич и Сильвины покинули квартиру Ковалевских. В тот же день вечером Ильич выехал в Псков³⁴.

Мечты о заграничье и на этот раз остались лишь мечтами - получить заграничный паспорт по внутреннему с явными следами подчисток было бы крайне неосмотрительно. Наметанный глаз русского полицейского легко бы различил фальшивку. Поездка в Ригу показала, что необходим был подлинный паспорт. 5 апреля он возвращается в Псков, где его уже дожидалось письмо М.А. Сильвина, помеченное 4 апреля, о его отъезде в Сибирь в связи с переменой места службы³⁵. Становилось понятным, что М.А. Сильвин, обремененный семьей и с которым Ильич расстался буквально накануне, отказывался от планов эмиграции. Одновременно пришло и письмо обеспокоенной Марии Ильиничны по поводу неполучения от брата писем.³⁶

Но Ленин не был бы Лениным, если бы напряженно не искал новые способы исполнения своего заветного желания. Все оказалось гораздо проще - главное, было выйти на «нужных» людей. Уже 6 апреля он пишет письмо матери: «Живу я по старому; здоровье мое удовлетворительно, и я сегодня попробовал уже бросить свою «воду». Это слово Ильич специально ставит в кавычки (для нас эта фраза становится понятной после поездки в Ригу) и чуть ниже продолжает: «Здесь мой знакомый берет заграничный паспорт и думает ехать лечиться числах в 20-х апреля; мне с его отъездом будет здесь скучновато».³⁷

Как было установлено исследователями биографии В.И. Ленина, речь в данном случае идет о А.Н. Потресове. В отличие от Ильича он выбрал более простой путь - чтобы выбраться за границу, получить заграничный паспорт на свое имя. Это удалось осуществить через В.А. Оболенского, лично знакомого со всей местной интеллигенцией, включая и псковского полицмейстера. Очевидно, этот вариант избрал и Владимир Ильич.

Разумеется, псковский полицмейстер понимал, что в принципе совершает противозаконное дело, но его «угрызения» совести могли быть «сглажены» некоторым количеством денежных купюр. Однако дело затягивалось. Судя по всему, почти весь апрель заинтересованные стороны торговались о размере и условиях оплаты. Владимир Ильич, очевидно, прекрасно понимал, что если оплатит сразу необходимый документ, то может поставить себя под серьезный удар, и поэтому должен был настаивать на поэтапной оплате. Понятно, что вся сумма должна была быть выплачена полностью только после того, как он окажется за пределами России. К согласию, вероятно, пришли только в начале мая.

5 мая Ильич пишет матери: «Напрасно ты беспокоишься обо мне, дорогая моя: здоровье мое теперь значительно лучше, *воду свою я давно бросил* (выделено нами. - *К.А.*) и ни разу не испытывал желания и необходимости вернуться к ней». И далее он продолжает: «Вчера получил свидетельство от местного полицмейстера о неимении с его стороны препятствий к отъезду моему за границу, сегодня внес пошлину (десять рублей) /это официальная плата за паспорт. -*К.А.*/ и через два часа получу паспорт. Значит, двинусь летом в теплые края; немедленно ехать отсюда я не могу, потому что надо...покончить некоторые денежные дела ...если не получу,...то напишу тебе с просьбой выслать мне частичку».³⁸

Через несколько часов Ильич припишет к письму: «Сейчас получил паспорт из канцелярии губернатора». Интересно, что незадолго до этого он обращался по официальным каналам с просьбой разрешить ему съездить к Крупской, и, будучи в канцелярии, пишет Ильич, «навел справку о своем прошении о поездке в Уфу, оказывается, отказано!!!»³⁹

Но получив в канцелярии псковского губернатора, через посредство В.А. Оболенского, заграничный паспорт № 34 для выезда в Германию сроком на 6 месяцев⁴⁰, Ильич должен был оставаться в Пскове еще некоторое время. Помимо разрешения «денежных дел» его удерживало здесь еще одно обстоя-

тельство. Чтобы иметь возможность беспрепятственного передвижения по России, необходимо было добиться получения разрешения Департамента полиции на официальный выезд из Пскова, к примеру, для поездки к родным. Поэтому 20 апреля он пишет прошение директору Департамента полиции о разрешении поехать ему в Уфу к больной жене сроком на полтора месяца⁴¹. В ожидании ответа он пишет матери 30 апреля: «Я, может быть, выберусь отсюда и пораньше, так примерно недели через две, но сколько-нибудь определенно сказать не могу»⁴². Однако в этой просьбе, как мы уже видели, ему было отказано.

Одновременно с сыном с аналогичной просьбой в Департамент полиции лично обратилась Мария Александровна Ульянова. В итоге ей удалось добиться удовлетворения своих ходатайств. 29 апреля в Псков пришло разрешение на недельное свидание Ильича с родными в Подольске, а 15 мая он получил разрешение на поездку вместе с матерью в Уфу сроком на полтора месяца⁴³.

19 мая 1900 г. с вечерним поездом Владимир Ильич уехал из Пскова в Петербург. Не доехав одной остановки до столицы, он сошел на станции Александровская, перешел парком в Царское село и, сев на пригородный поезд, прибыл в город на другой вокзал⁴⁴.

Но подобная конспирация не помогла - филеры Департамента полиции довольно быстро сумели засечь появление Ильича, и 21 мая он был арестован на одной из петербургских улиц и заключен в арестном отделении при Управлении петербургского градоначальства. Поводом для ареста послужил незаконный приезд в столицу. Но ничего противозаконного у него обнаружено не было. 23 мая его подвергли допросу, на котором выяснилось, что у арестованного имелось официальное разрешение на поездку к родным. Понятно, что подтвердить данный факт позаботились «нужные» люди в псковской полиции. Более того, после того как 31 мая Ильича выпустили из заключения, было сделано все, чтобы подобный инцидент не повторился бы в Москве - вплоть до самого Подольска его сопровождал специальный полицейский чиновник.⁴⁵

Определенный интерес для нас представляет вопрос - во сколько же обошлось Ильичу получение заграничного паспорта? По этому поводу можно только гадать, хотя имеются определенные указания. Некоторый свет на это проливают воспоминания, переданные Крупской: «Перед отъездом за границу Владимир Ильич чуть не влетел. Приехал из Пскова одновременно с Мартовым. Их выследили и арестовали. В жилетке у него было 2 тысячи рублей...и записи связей с заграницей, писанные химией на листке почтовой бумаги, на которой для проформы было написано чернилами что-то безразличное - счет какой-то. Если бы жандармы догадались нагреть листок, не пришлось бы Владимиру Ильичу ставить за границей общерусскую газету. Но ему «пофартило», и через дней десять его выпустили»⁴⁶.

В литературе встречается мнение, что обнаруженные при аресте две тысячи рублей представляли собой деньги, собранные псковскими социал-демократами на издание «Искры»⁴⁷. Но зная, что десяток псковских революционеров и сочувствующих получали, работая в статистическом отделе, в среднем по 24 рубля на человека в месяц, относиться к этой версии всерьез не стоит. Несомненно, это были личные деньги самого Ильича. Для нас интересно другое. Н.К. Крупская в своих воспоминаниях говорит о двух тысячах рублей, тогда как во время официального обыска у Ильича было отобрано лишь 1300 рублей⁴⁸. Недостающие 700 рублей, возможно, были первоначальным авансом за заграничный паспорт.

Брат В.И.Ленина - Дмитрий Ильич позднее вспоминал, что из Петербурга в Подольск Ленина сопровождал полицейский чиновник, доставивший Владимира Ильича к исправнику Подольского уезда, некоему Перфильеву. Тот потребовал документы. Владимир Ильич предъявил свой заграничный паспорт, который исправник положил к себе в стол, заявив, что он останется у него. Тем самым надежды на выезд из России, казалось, рухнули. Лишь после того, как Ильич запротестовал и пригрозил пожаловаться в Департамент полиции, исправник возвратил его назад.

Но, думается, память подвела здесь Дмитрия Ильича. Как он сам пишет в воспоминаниях, очевидцем этой сцены он не был, а рассказывал о ней ему брат. Следует добавить, что смысла предъявлять заграничный вид у Владимира Ильича не было - на руках у него была паспортная книжка за № 38, выданная в Пскове еще на второй день его пребывания там. Если у В.И. Ленина и вышел спор в полиции, то, вероятно, с псковским полицейским чиновником, потребовавшим уплаты всей заранее оговоренной суммы. Разумеется, это не более чем наши предположения.

Можно лишь полагать, что стороны в итоге договорились о том, что окончательный расчет будет произведен лишь после того, как Ильич пересечет границу империи. Посредником в этом щекотливом деле, возможно, был все тот же псковский знакомый Ильича - Владимир Андреевич Оболенский. Достоверно известны два факта: 16 июля 1900 г. В.И. Ленин покинул пределы России⁵⁰, а В.А. Оболенский находился за пределами империи между 19 июня и 23 июля 1900 г.⁵¹

Разумеется, обе стороны этой сделки понимали, что сохранять в тайне факт отъезда поднадзорного из страны до бесконечности невозможно. Данное обстоятельство выяснилось уже в начале осени. 19 сентября Департамент полиции отдал распоряжение начальникам жандармских пограничных пунктов установить наблюдение за возвращением В.И. Ульянова из-за границы в Россию и в случае его проезда через границу обратить внимание таможенных чиновников на тщательный осмотр его багажа⁵².

Казалось бы, на этом можно было бы поставить точку на истории о том, как знаменитому впоследствии революционеру удалось обвести вокруг пальца продажную российскую полицию. Если бы не одно «но». Уже на следующий день после получения Ильичем заграничного паспорта начальник Псковского губернского жандармского управления генерал-майор князь Девлет-Киндеев в субботу 6 мая 1900 г. секретно доносил в Департамент полиции: «На основании циркуляра Департамента полиции от 11 декабря 1895 г. за № 10342, имею честь сообщить, что псковским губернатором 5-го сего

мая за № 34 выдан заграничный паспорт состоящему под негласным надзором полиции дворянину Владимиру Ильичу Ульянову для поездки в Германию, сроком на 6 месяцев». Судя по регистрационным пометкам, это сообщение было зарегистрировано уже в понедельник 8 мая 1900 г.⁵³. До нас также дошли материалы об усилении слежки за Ильичем в Пскове вплоть до самого его отъезда.

По недостатку данных нам довольно сложно однозначно оценить этот комплекс источников. Здесь возможны две версии. Первая из них заключается в том, что псковское полицейское начальство, не дождавшись возвращения В.И. Ленина из-за границы, задним числом изготовило оправдательные документы. Об этом может свидетельствовать тот факт, что донесение Девлет-Киндеева помечено 6 мая - днем рождения императора Николая II, который широко отмечался в Российской империи и был нерабочим днем в присутственных местах.

Впрочем, гораздо более вероятной представляется другая гипотеза - задуманной сотрудниками Департамента полиции оперативной игры, основная идея которой заключалась в том, чтобы выпустить Ильича за границу, а затем использовать его «в темную» - по возвращении проследить его связи между российской социал-демократией и заграничной эмиграцией. За это, возможно, говорит то, что, узнав, как минимум, за десять дней о получении заграничного паспорта и предстоящем отъезде Владимира Ильича из Пскова, Департамент полиции не предпринял никаких усилий, чтобы предотвратить его. Напротив, было сделано все, чтобы удовлетворить ходатайство Марии Александровны о полугодовой поездке сына в Уфу. Также можно думать о том, что задержание Ильича в Петербурге было специально инсценировано для того, чтобы иметь возможность более тщательно изучить огромный багаж, отправленный утром 19 мая из Пскова в Подольск⁵⁵. Нет сомнений и в том, что Департаментом полиции контролировалась и заграничная поездка В.А. Оболенского летом 1900 г.⁵⁶. Понятно, что подобная версия требует подтверждения и серьезной работы в архивах.

Как бы то ни было, хотя Ильич поехал за границу по легальному паспорту, необходимо было соблюдать правила конспирации. Российский департамент полиции в это время имел прекрасную агентуру за границей и довольно хорошо представлял себе положение дел в русской эмиграции. В Германии иностранцы должны были предъявлять свои паспорта местным властям, и отечественной полиции не составляло особого труда выявить местопребывание того или иного «неблагонадежного» элемента и добиться его выдачи. Поэтому, живя в Мюнхене, Ильич шлет письма матери якобы из Праги.

На эту удочку попала Крупская, отправившаяся за границу. «Направилась в Прагу, - вспоминала она, - полагая, что Владимир Ильич живет в Праге под фамилией Модрачек. Дала телеграмму. Приехала в Прагу - никто не встречает. Подождала-подождала. С большим смущением наняла извозчика,... поехали. Приезжаем,... узкий переулок, громадный дом. ...Лечу на четвертый этаж. Дверь открывает беленькая чешка. Я твержу: «Модрачек, герр Модрачек». Выходит рабочий, говорит: «Я - Модрачек». Ошеломленная, я мямлю: «Нет, это мой муж». Модрачек, наконец, догадывается. «Ах, вы, вероятно, жена герра Ритмейера, он живет в Мюнхене, но пересылал вам в Уфу через меня книги и письма»... Приехав в Мюнхен,... поехала разыскивать Ритмейера. Отыскала дом, квартира № 1 оказалась пивной. Подхожу к стойке, за которой стоял толстенный немец, и робко спрашиваю... Трактирщик отвечает: «Это -я». Совершенно убитая, я лепечу: «Нет, это мой муж». И стоим дураками друг против друга. Наконец, приходит жена Ритмейера и, ...догадывается: «Ах, это верно жена герра Мейера, он ждет жену из Сибири».⁵⁷

Но подобная конспирация годилась разве только для любителей. Русской зарубежной агентуре ничего не стоило выяснить, что под именем «герра Мейера» скрывается Ульянов. К тому же подписывать статьи для русских читателей иностранным именем было просто невозможно. И тогда Ильич снова вспоминает о паспорте на имя Николая Егоровича Ленина. Использовать его он начал в мае 1901 г. - сначала в письмах к соратникам⁵⁸. В декабре 1901 г. в издававшемся в Штуттгарте журнале «Заря» выходят его первые статьи за подписью «Н. Ленин»⁵⁹, а еще через два года, 3 декабря 1903 г., он пишет из Женевы в «Искру» записку В.И. Засулич: «Уважаемый товарищ! Я забыл сообщить, что статьи мои все прошу подписывать «Н. Ленин», а не «Сотрудник»».⁶⁰ При выборе псевдонима Ильич руководствовался и другим обстоятельством. В тогдашней России прекрасно был налажен полицейский учет населения благодаря широкой системе адресных столов и правилу, что приезжавшие даже на небольшой срок обязаны были зарегистрироваться по месту жительства. Департаменту полиции буквально за пару дней легко было определить местожительство любого лица, жившего по официально выданному паспорту. Но настоящий Николай Егорович Ленин скончался 6 апреля 1902 г. и был по этой причине исключен из учета. Только спустя много времени русской полиции удалось определить, что под именем Ленин скрывается исчезнувший из Пскова Владимир Ульянов. Лишь в январе 1906 г. Департамент полиции начал работу по установлению личности лица, использовавшего документы на имя Николая Ленина. Это удалось выяснить только к маю 1907 г.⁶¹

Примечания

1. *Шкаредных А.М.* Ленин в Пскове (весна 1900 года). Псков, 1950; *Ларионов И.Н.* В.И. Ленин в Пскове. 2-е доп. изд. Псков, 1960; Ленин и Псковский край. Документы, статьи. Л., 1971; *Лунина И.Н.* Восемьдесят три дня. К истории создания В.И. Лениным опорного пункта «Искры» в Пскове. Л., 1984; *Новиков В.И.* Ленин в Пскове // Псков. Очерки истории. Л., 1990, а также целый ряд других книг, статей и заметок.
2. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 1. М., 1970. С. 241 - 243 (Далее: Биографическая хроника).
3. *Крупская Н.К.* Воспоминания о Ленине. Изд. 2-е. М., 1972. С. 42. Прим. 2.
4. Биографическая хроника. Т. 1. С. 243 - 244.
5. *Лунина И.Н.* Указ. соч. С. 29.
6. См.: Энциклопедический словарь Брокгауза. Т. 44. СПб., 1897. С. 926.
7. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 46. С. 32.
8. О ссылке М.А. Ульяновой в Нижний Новгород см.: *Ниякий В.В.* Первая ссылка Марии Ильиничны Ульяновой // Исторический архив. 1962. № 6. С. 189 - 191.
9. См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 214, 688, 747.
10. Биографическая хроника. Т. 1. С. 245.
11. Весь Петербург на 1900 г. Адресная и справочная книга г. С. - Петербурга. СПб., [1899]. С. 335.
12. См.: Энциклопедический словарь Брокгауза. Т. 44. С. 925.
13. См.: Адрес-календарь Нижегородской губернии на 1893 г. Н. Новгород, 1893. С. 97 - 98; Памятная книжка Нижегородской губернии на 1895 г. Год первый. Н. Новгород, 1895. С. 93.
14. См.: *Крупская Н.К.* Указ. соч. С. 64.
- 15.7 Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 24. Д. 1481.
16. *Штейн М.Г.* Ульяновы и Ленины. Тайны родословной и псевдонима. СПб., 1997. С. 198, 203 - 206.
17. Там же. С. 207 - 208.
18. *Штейн М.Г.* Древний дворянский род Лениных // Из глубины времен. Вып. 5. СПб., 1995. С. 155 - 172; *Колосов Л.Л.* Славный род Лениных // Дворянское собрание. Историко-публицистический и литературно-художественный альманах. Вып. 10. М., 1999. С. 147 - 154; *Лобыцын В., Дядичев В.* Ленины - моряки российского флота // Морской сборник. 1999. № 11. С. 78 - 83.
19. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV - начала XVI в. Т. I. М., 1952. С. 378.
20. *Штейн М.Г.* Ульяновы и Ленины... С. 192 - 196.
21. Акты исторические. Т. 2. СПб., 1841. С. 319.
22. *Иванов П.И.* Обзорение писцовых книг по Московской губернии с присовокуплением краткой истории древнего межевания. М., 1840. С. 61; *Он же.* Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции. М., 1853. С. 227.
23. *Голицын П.П.* Список дворянских родов Новгородской губернии... Новгород, 1910. С. 306.
24. Биографическая хроника. Т. 1. С. 246; *Лукина И.Н.* Указ. соч. С. 31, 38.
25. Еще в 1895 г., во время своей первой поездки за границу Владимир Ильич убедился, что плохо понимает разговорную немецкую речь (См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 11).
26. Биографическая хроника. Т. 1. С. 245 - 246.
27. *Лукина И.Н.* Указ. соч. С. 86.
28. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 182.
29. Биографическая хроника. Т. 1. С. 248.
30. Там же. С. 249.
31. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 147. Подробнее о М.А. Сильвине: Там же. Т. 10. С. 543 - 544, Т. 55. С. 587.
32. См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 415.
33. *Сильвин М.А.* В.И. Ленин в период зарождения партии. Л., 1958. С. 219.
34. *Лукина И.Н.* Указ. соч. С. 67 - 68.
35. Биографическая хроника. Т. 1. С. 249.
36. Там же. С. 250.
37. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 183.
38. Там же. С. 186.

39. Там же. С. 187.
40. *Шкаредных А.М.* Указ. соч. С. 44.
41. Биографическая хроника. Т. 1. С. 250.
42. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 184 - 185.
43. *Шкаредных А.М.* Указ. соч. С. 46; Биографическая хроника. Т. 1. С. 252.
44. Биографическая хроника. Т. 1. С. 253.
45. Там же. С. 254 - 255.
46. *Крупская Н.К.* Указ. соч. С. 42.
47. *Шкаредных А.М.* Указ. соч. С. 42.
48. Биографическая хроника. Т. 1. С. 254.
49. *Ульянов Д.И.* Очерки разных лет. Воспоминания, переписка. Статьи. 2-е, доп. изд. М., 1984. С. 101 - 102.
50. В Подольске В.И. Ленин пробыл у родных с 1 по 7 июня, когда вместе с матерью поехал из Подольска в Уфу - поездом до Нижнего Новгорода, затем пароходом до Уфы, куда прибыл 15 июня. 10 июля он возвратился в Подольск (по ходатайству Марии Александровны Департамент полиции разрешил ему приехать из Уфы на три дня в Подольск). 13 июня он выехал из Подольска и через три дня покинул Россию (Биографическая хроника. Т. 1. С. 256 - 259).
51. *Лукина И.Н.* Указ. соч. С. 68 - 69.
52. Биографическая хроника. Т. 1. С. 269.
53. Цит. по: *Ларионов И.Н.* Указ. соч. С. 27. Здесь же приведено факсимильное изображение этого донесения.
54. См.: *Лукина И.Н.* Указ. соч. С. 92.
55. По донесению полиции «Ульянов вывез из своей квартиры и сдал на станцию товаром большой скорости три места весом 13 пудов 21 фунт, застрахованных на 300 рублей, по дубликату «на предъявителя» за № 389, отправителем означен Владимир Ульянов. Станция отправления: Псков, станция назначения: Подольск, через Бологое-Москва. Багаж этот зашит в рогожи, имеющие очень старый вид». 23 мая, как только багаж прибыл в Москву, он был задержан как груз, «оказавшийся без пломб». Выяснилось, что он целиком состоит из книг и рукописей. 15 июня, после тщательного их просмотра, петербургское охранное отделение сообщило в Москву о разрешении отправить этот груз по месту назначения - в Подольск. 17 июня московская охранка возвратила книги московской железнодорожной полиции (См.: *Лукина И.Н.* Указ. соч. С. 92 - 94).
56. Начальник Таврического губернского жандармского управления 24 июня 1900 г. сообщал в Департамент полиции, что «состоящий под негласным надзором полиции в Псковской губернии Владимир Андреев Оболенский, временно проживавший в г. Ялте, 19 текущего июня выехал через Севастополь за границу по паспорту, выданному таврическим губернатором». (Цит. по: *Лукина И.Н.* Указ. соч. С.68).
57. *Крупская Н.К.* Указ. соч. С. 43 - 44.
58. *Штейн М.Г.* Ульяновы и Ленины. С. 176.
59. Биографическая хроника. Т. 1. С. 362.
60. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 46. С. 328; Биографическая хроника. Т. 1. С. 514.
61. *Штейн М.Г.* Ульяновы и Ленины. С. 189-190.